

— А что, эта лавка существовала до пожара? — спросила Стелла.

— Да, двадцать лѣтъ до пожара, — отвѣтила мать. — Моя дочь родилась въ этой лавкѣ. Я прожила въ ней почти сорокъ лѣтъ. Домъ былъ новый, когда мой мужъ поселился въ немъ, и съ тѣхъ поръ мы въ немъ торгуемъ.

— Если вы такъ долго живете здѣсь, то, можетъ быть, помните человѣка, котораго звали Больдвудъ, — проговорила Стелла дрожащимъ голосомъ.

Впервые ей приходилось произносить это имя передъ посторонними. И ей это казалось почти святотатствомъ, но она чувствовала, что единственный шансъ ея найти друзей въ этомъ большомъ, страшномъ городѣ было только имя ея отца.

— Больдвудъ — Джонатанъ Больдвудъ! да! еще бы не помнить, чортъ бы его побралъ! Мужъ былъ безъ памяти отъ этого человѣка, и бѣгалъ на всѣ митинги за нимъ, и возвращался домой съ головой, набитой всякою чепухой. Я ненавижу вашихъ радикаловъ, вѣчно все ниспровергающихъ и ничего не устраивающихъ. Радикалы отвалили всю сельскую джентри отъ Брумма, и теперь не видишь половины каретъ противъ того, какъ было, когда я была молода. Радикалы сочинили артельные магазины и разорили мелкихъ торговцевъ. Радикалы принудили англійское дворянство тратить деньги за границей, потому что дома имъ не оказываютъ достаточно почтенія.

— Это что еще за политика? никогда не слыхивалъ, чтобы старуха толковала про политику, когда столько же въ ней смыслишь, сколько младенецъ, — произнесъ добродушный голосъ за стѣной, и въ лавочку вошелъ изъ задней комнаты добродушнаго вида круглолицый человѣкъ, безъ сюртука, въ чистой рубашкѣ и холщевомъ фартукѣ.

— Что это мать твоя завела такую канитель на ночь? — спросилъ онъ дочь.

— Вотъ молодая особа спрашиваетъ про Джонатана Больдвуда.

— Вотъ какъ! Что вамъ такое Джонатанъ Больдвудъ, милая дѣвушка?

— Онъ былъ мой отецъ.

— Вашъ отецъ! Какъ! вы дитя Больдвуда, которое онъ хотѣлъ вынести изъ горѣвшаго дома, за что и поплатился, бѣднaga, жизнью?

— Да, — зарыдала Стелла.

— А затѣмъ горбунъ-лордъ спасъ васъ и отвезъ въ лаш-